
Рустам МАВЛИХАНОВ (БУДДА)

42

Земного шоу отыграв две трети,
Украсил я карминовость небес
Серебряною оспиной кометы.

Под жаром Солнца свой теряя вес,
Я рассыпался бисером на строки,
Двумя лучами образуя крест.

Планеты строились предвестниками рока
И с мира стен, со всех шести сторон,
Смотрел в нас Бог огромным черным оком.

Я слышал шелест звезд, галактик стон
И ту, что, верная своей природе,
Соединяла праведность с грехом.

Во взрыве чувств она, теряя годы,
Стекала с горных пиков, словно бриз —
Любовник моря и пророк восхода.

Мораль опала прахом ветхих риз —
Людей, а значит, дьявола одеждой, —
Мы стали девственны, и космос — чист.

Как вера, тонкая, что нить надежды,
Протянутая предками до нас
(И в будущее, что родилось прежде),

Отметила для вечности сей час,
Наполненный полыни ароматом
Под зноем, степь укрывшей, как атлас,

Так женщина, свой неделимый атом
Касанием лингама воссоздав,
Что тропы песен завершатся садом,

Твердила молча, бедрами объяв
Того, кто окружил ее собою,
Как лунный свет — дыханьем пряных трав.

Рустам Мавлиханов (Будда) родился в 1978 году в г. Салавате (Башкирия). Публиковался в журналах «Нева», «Крещатик», «Журнал ПОэтов», «Изыщная словесность», «Нижний Новгород», «Дальний Восток», «Метаморфозы», «Бельские просторы», «Истоки», «Балтика», «Идель», «Сура». Живет в Салавате.

В раухтопазной полосе прибоя
С песка мои смывала имена
Вода — что тело Хаоса живое.

Хранила свет Божественная тьма;
Но океана плоть разлив по форме,
Мне дýши раздавали времена,

Чтоб мной любить.
Степь,
Женщину
и горы.

ГУМУС

Юная дева в чадре медицинской —
Блеск лихорадочный глаз,
Как антисептик — на челке снежинки,
Мышцами властвует джаз.

Вены, как скрипка в руке Паганини,
Нервный выводят «Каприз».
Медленней мысли, чем дни в карантине.
Память танцует стриптиз:

Все, что могло бы когда-нибудь сбыться,
Как с хеппи-эндом кино,
Темным крылом опалила жар-птица,
Смыв золотое пятно.

Джаз станет блюзом, затем — фугой Баха,
И цитокинов каскад¹
Вырвет ее из желаний и страха,
Вечный прервав маскарад.

Следом и я превращусь в тучный гумус —
Вырастет, может быть, сад,
Феникса жаром и мной, белым шумом,
Девы ласкающий взгляд.

ИНВЕРСИЯ

Как inferнален белый цвет!
Как сытен и богат цвет черный!
В земле белеют кости, корни
И в белом — тот, кто был отпет.

¹ Цитокиновый шторм — самопожирание иммунной системой себя.

Так в черном ли она придет?
Набит мирами черный космос —
В нем жизнь сияет лугом росным:
Вселенную твореньем рвет.

А может, то — мой смертный грех,
Инверсия константных истин?
И стало тьмой, что было чистым?
И мозг — плод павшего утех?

Иль приходил Зеленый Лик
И свечи поменял местами,
Чтоб Бог вкусил живого раны,
Чтоб только ум срывался в крик?

Кто б знал... Нет истин. Есть лишь бег
По лезвию времен, до кромки,
Где свет — что тьма, безмолвье — громко,
Где ляжет мне за ворот снег.

ГАЙ и ГАЙЯ (О МУЖЧИНАХ И ЖЕНЩИНАХ)²

Как мало нужно римлянке для счастья:
Паштет из соловьиных языков,
Звезду, пантеру, дюжину рабов,
Чтоб ночью утолять животных страстью,

Весь мир у ног — у древка паланкина, —
Песок в крови с кусками тел мужчин,
И черного фалернского кувшин,
И телом дать возможность гражданином

Стать варвару (подобно, как Фетида
В божественность Ахиллова отца
Ввела на ложе), покорять сердца,
И — юность дольше века Пирамиды!

Как необуздан римлянина дух:
Познать ночным безмолвным диалогом
В рабыне умирающего бога...
И — почему ливийский ветер сух?

И время — как стрела иль вечный круг?
Что направляет бег светил на небе?

² Первые три строфы (о женщине) построены на кольцевании «женская рифма — мужская рифма — мужская — женская». Вторые три строфы — «м — ж — ж — м». Т.е. один эпизод образует лонообразную рифмовку, второй — фаллическую.

На сколько плебсу хватит цирка с хлебом?
И если каждый — Брут, то кто же друг?

И сверх того есть множество проблем:
Сарматы, террористы Иудеи,
Успеть на вилле высадить аллею
И выдать миру яд философем...

Чтоб после нам принять, как град — фиалке,
Дар цезаря простой: приказ «Умри!» —
Моя порочная, священная весталка,
Моя империя. Мой кипарис. Мой Рим.

ПОСВЯЩЕНИЕ АВСТРИИ³

Должно быть, за пределом ойкумены,
Очерченной цензурой витражей,
Есть море, что богинь рождает в пене
К недоуменью наших матерей.

Должно быть, так терявший слух сонатой
Сквозь плеск реки услышал мягкий свет,
Как слышен в ропоте и здравницах сената
Людской трагикомедии балет.

У нас туман. Падет к обеду иней,
Весны Священной стоящий картин.
Достиг мой разум пограничных линий
И заточил себя на карантин.

К себе пишу. Не другу. Не супруге.
В стол, в суету, в забвение, в огонь.
Мой город, тоже гор хранимый кругом,
Рукою сотника нацелил гвоздь в ладонь.

Я осознал фонтанов сны и грезы,
Но широко закрыв мои глаза,
Мне третий человек приносит розу
В оплату, чтоб никто недосказал,

Как в круге танца рвали мы бубоны
И слепли в ожидании чумы,
И только цезарь с башен Виндобоны
Смотрел в глубины маркоманской тьмы⁴.

³ Посвящения и упоминания: Марку Аврелию, сотнику Лонгину и его копыю, Райнеру Марии Рильке, Артуру Шницлеру и «Новелле о снах», Грэму Грину, Пестзойле etc.

⁴ Маркоманской войной завершился золотой век Римской империи.

ВАН ДЕР ДЕККЕН

Снова к норду склоняется жгуче-соленый норд-вест.
Он считает узлы среди звезд, воссиявших в безлунье.
Он поет песни Ньерда над тенью покинутых мест
На охрипшем зверином наречии наших безумий.

Леденящая мертвая зыбь зубы бьет в левый борт,
Обдирая до сурика, меди, шпангоутов, сердца,
Прорываясь сквозь сжатый в кричащем молчании рот
В разум, что оцетинился дикими пиками терций.

Бродит дух безымянный над темной безвидной водой,
Над решеткой кристалла, по-над горизонтом событий,
Ждет надежду молитв, изъязвленную, как кислотой,
Что сочится под сладкую, томно-кровавую сытость.

Серебро чьих-то стрел сквозь зеленую матовость лон:
Миражи наших душ, заточенных в иллюзии судеб.
Мы — Летучий Голландец — мгновение в скрещенье имен,
Перекресток того, что прешло, и того, что пребудет.

КРИК В КОСМОСЕ

Для роботов люди не роют могил
И клонам надгробий не ставят,
И как бы для мяса ни рвал медных жил,
Закончится путь твой в расплаве.

Но только и роботом движет мечта!
И если программы отважны,
Тангейзера в бездне увидишь врата,
Денеб⁵ обходя на форсаже.

Мы верим: нас ждет си-лучей красота,
И флот у Двери Ориона⁶
В последнем бою в пятимерных фронтах
Нырнет в Бетельгейзе⁷ корону.

Но космос — не люди: услышит наш крик⁸,
Сложив гравиволны муаром⁹,
И станет звезда нашей славы в тот миг
Сверхновой с нейтронным пульсаром.

Пусть плотью людей будет сыт перегной,
Пусть жизнь полыхает пожаром.
Для храбрых у космоса жребий иной —
В их честь зажигают квазары.

⁵ Денеб — альфа Лебеда.

⁶ Дверь Ориона — кому как, а я в созвездии Ориона вижу дверь.

⁷ Бетельгейзе — звезда, которая станет сверхновой в ближайшие 10—100 000 лет.

⁸ «В космосе никто не услышит твой крик» — слоган первого «Чужого».

⁹ Муар — узор, возникающий при наложении двух периодических сетчатых рисунков/волн.